

*Легенды и мифы
древнегреческого рода Мавромихали.
Михаил Ильич Кази – записки правнучки*

Мой прадед по отцовской линии Михаил Ильич Кази (1839–1896) был известным корабелом.

Его лично знали и ценили три русских императора: Александр II, Александр III и Николай II.

Его имя дважды нанесено на карту Северного Ледовитого океана. Он был инициатором открытия Мурманского порта, освоения Русского Севера и Северного Морского пути.

Михаил Ильич Кази дружил с корабелом А.Н. Крыловым; был сподвижником С.Ю. Витте; о нем писал литератор В. Гиляровский.

Мой отец очень любил своего деда и много рассказывал о нем. Живописный портрет Михаила Ильича всегда висел над его письменным столом.

Из коричневой дымки портрета выступали благородный лоб и строгие глаза. Вьющиеся волосы и нос с горбинкой выдавали его далекую принадлежность к эллинам.

Родоначальник этого древнего греческого рода — Стефан Мавромихали (1734–1801) был командиром борцов против османского владычества на греческих землях, известных под именем «спартанских легионеров» в горной области Мани (Майна) на полуострове Пелопоннес.

С этим связано множество захватывающих страниц всемирной истории, а так же колоритных легенд.

Полуостров Мани упоминался еще в античной мифологии. Там он фигурировал как место, в которое можно попасть, но из которого невозможно выбраться. Это был вход в античное царство теней.

Но славу подлинного свободолюбия этот маленький полуостров получил значительно позже. Во времена турецкого господства он стал чем-то вроде греческой «Запорожской сечи».

«Жители Спарты, настоящие спартанцы, были вытеснены пришедшими ордами с долины», где располагался их любимый город Спарта, сюда, на крутые горы Майна.

Их спартанский характер и воспитание, а также суровость горного ландшафта, где об отвесные скалистые берега разбивались морские волны, сделали из майонитов «то, чем они стали», — говорится в одном из путеводителей по Греции.

По-гречески «мавро» означает «черный», а так же «бедный» или «сирота».

Одна из сохранившихся легенд гласит, что некий рыбак Михалис, столь смуглый, что назывался Мавромихалисом (черным Михаилом), поймал однажды неводом морскую нимфу и влюбился в нее.

Когда у них родился сын, морская нимфа, вручая его Мавромихалису, с гордостью сказала:

— Ни он, ни его потомство не будут знать страха моря. Всякий, в ком течет хотя бы капля нашей с тобой крови, всегда будет спасен мною в пучинах моря. Из морских волн он будет выходить со славою.

Существует и другая легенда, не менее красивая, но более драматичная.

В ней род Мавромихали ведется от человека по имени Михаил, удачливого и очень богатого, владевшего соляными копиями. Его дворец в Стамбуле располагался прямо напротив дворца самого султана.

Завистники, как водится, оклеветали его, и по приказу султана он был повешен на глазах своих четырех сыновей. Чем-то жутковатым в духе оперы Верди «Трубадур» веет от этой легенды и одновременно жесткой реальностью канувших в Лету минувших эпох.

Трем взрослым братьям после этой расправы пришлось бежать. Впоследствии они основали, согласно сохранившемуся преданию, династию Кантакузинов, которая относится к эпохе Византии.

Иоанн Кантакузин был византийским императором (1341–1354). Один из его сыновей — Мануил получил в удел Пелопоннес (Морею).

После смерти Мануила Кантакузины некоторое время удерживали Пелопоннес, а потом были вынуждены уступить его Палеологам.

Самый младший из братьев, тогда еще младенец, был после казни отца тайно переправлен в Грецию, в горную область Мани. Там он получил имя Мавромихали — сирота Михаил.

Таково далекое легендарное прошлое рода Мавромихали. Реальная история этого рода не менее интересна.

Георгий Мавромихали — внук (или правнук) «сироты Мавромихали», тайно спасенного от преследований турецкого султана, — своим умом, волей и ярой нетерпимостью ко всякой несправедливости добился высокого положения в Греции.

Он стал гражданским и военным правителем (экзархом) всего полуострова Пелопоннес.

Женился Георгий Мавромихали на Елене Морозини.

Отец Елены Морозини — венецианский дож Франческо Морозини состоял в родстве со знаменитыми Медичи.

Во Флоренции и сейчас стоит вилла Медичи, их частное владение, а во дворце (в «палаццо Медичи») размещается префектура.

Палаццо строил Козимо Медичи, фактический правитель Флоренции середины XV века.

Его внук и преемник Лоренцо Медичи, прозванный Великолепным, был политиком, гуманистом и поэтом.

От дворца, где жили Медичи, недалеко расположена церковь Сан-Лоренцо, где они погребены. Эту церковь оформлял великий Микельанджело.

Она снискала себе мировую известность, а один из незаконченных мраморов Микеланджело для капеллы — «Скорчившийся мальчик» — хранится ныне на берегах Невы, в залах Государственного Эрмитажа.

Итак, дожи Морозини, состоявшие в родстве с семейством Медичи, были предками Мавромихали по женской линии.

Стефан-бей Мавромихали принадлежал к древнему роду, гербом которого был византийский двуглавый орел на фоне княжеской мантии.

История рода Мавромихали — это история борьбы за освобождение Греции от турецкого гнета. Недаром имя Мавромихали носит одна из улиц современных Афин.

Известно отношение к греческим повстанцам великого английского поэта Джорджа Байрона. Он приехал в Грецию, чтобы встать в ряды повстанцев, отстаивавших независимость своей страны, и погиб там.

Для Байрона, как и для Пушкина, Греция была колыбелью древней культуры великой своим гуманизмом и демократизмом.

В борьбе за независимость Греции от ига Османской империи погибло 49 человек из рода Мавромихали.

Стефан Мавромихали, сражался не только за независимость Греции, но и во славу России. Его хорошо знали в Петербурге и Москве.

Особенно он прославился в Русско-турецкую войну 1768–1774 годов. Сам морской бог взялся покровительствовать ему тогда в решающих сражениях!

На Средиземном море, где российским флотом командовал граф А.Г. Орлов, Россию поддержали восставшие против турецкого ига греки, во главе которых встал Стефан Мавромихали.

Поддержка греков на море во многом способствовала победам российского флота, в том числе в битвах при Наварине и Чесме.

Чесменское сражение является одним из выдающихся в мировой военно-морской истории.

До сих пор северную столицу России украшают мемориальные сооружения, посвященные этой битве, принесшей неувядающую славу российскому флоту.

Это такие памятники как Чесменский обелиск в Гатчине, Чесменская колонна в Пушкине, а также Чесменская церковь и Чесменский дворец в самом Петербурге и др.

В Чесменской бухте российские флотоводцы применили против турецкого флота брандеры. Они шли с попутным ветром, освещенные с одной стороны луной, с другой — заревом горевших неприятельских кораблей.

После громовых раскатов взрывов турецкие корабли разлетались на горящие обломки, которые, взвиваясь в небо и падая на соседние корабли, сжигали их.

Россия праздновала победу. Была выбита памятная медаль. На ее лицевой стороне — изображение самого могущественного в то время турецкого флота, а по краю медали — лаконичная надпись, состоявшая всего из одного слова: «Был».

Вражеский турецкий флот был уничтожен полностью, о нем теперь стали говорить только в прошедшем времени.

За участие в Наваринском сражении Стефан Мавромихали был награжден Большой золотой медалью.

Чтобы «водворить семейство Мавромихали и его соратников в Россию «на вечные времена», Екатерина II «повелела отвести» для них земли на Черноморском побережье в Крыму, по рекам Черной, Каче и Альме, а также городские участки в Симферополе, Севастополе, Евпатории и Феодосии.

А в январе 1787 года императрица сама отправилась к крымским берегам.

Свита императрицы, иностранные посланники, 14 карет, 124 саней с кибитками, а также 40 запасных саней тронулись в путь.

Дело было государственной важности: закончилась 300-летняя вассальная зависимость Крыма от Турецкой империи и произошло присоединение Крыма «под державу Российскую»... — так, опираясь на архивные материалы, воссоздают далекое историческое прошлое издатели альбома «Романовы и Крым».

Однако, — замечают они, — первоначально заселение шло медленно, так как «мешали бездорожье, пустынность Южного берега Крыма, непривычный климат и, главное, враждебное отношение местного населения...

Переселение на Южный берег Крыма по инициативе князя Г. А. Потемкина, так называемых, „архипелажских греков“ и формирование из них Балаклавского батальона сразу же стабилизировало обстановку».

Здесь речь идет как раз о греческих войсках, во главе которых встал Стефан Мавромихали.

Далее историки Крыма заключают:

Эти православные жители островов Эгейского моря, неизменно поддерживавшие Россию в ее борьбе против турецкого владычества.

Отличались необыкновенной неустрашимостью и стойкостью против численно превосходившего врага..

В благодарность за верную службу российской короне Екатерина II щедро одарила их землями на Южном берегу... — в полной убежденности, что только они смогут охранять берега Крыма...

«Архипелажцы» держали охрану Южного берега и создавали на нем прекрасные дворцы и парки.

Стефан Мавромихали пользовался среди местного населения Крыма авторитетом. Его называли «байрактором», то есть «владеющим знаменем».

С 1793 года он кавалер ордена Св. Георгия IV-й степени.

Его имя высечено золотыми буквами на стене Георгиевского зала Кремлевского дворца.

Однако сейчас в России он почти забыт, — с грустью сетуют авторы книги «Путешествия по дворянским усадьбам и имениям Крыма» Т. Брагина и Н. Васильева.

Не совсем так.

В одном из художественных музеев Киева моему отцу удалось обнаружить, а затем и опубликовать живописный портрет Стефана Мавромихал, выполненный в конце ХУШ века.

На большом, более чем двухметровом полотне Стефан Мавромихали запечатлен с Георгиевским крестом на груди. Вдали едва просматриваются очертания дворца-крепости. Возможно, что это его дворец в Греции, среди крутых гор Мани.

А, может быть, это древние сооружения Бахчисарая? Вполне вероятно, поскольку в России Стефан Мавромихали жил в Крыму, в своем имении Карменчики (ныне Высокое) недалеко от Бахчисарая.

Похоронен он в Георгиевском соборе города Балаклава. Крымские краеведы обнаружили его могилу и собираются придать ей первоначальный вид.

Так что подвиги Стефана Мавромихали не забыты сегодня.

Женат он был на гречанке Фотинье Стамати, византийской царевне. Имел единственного сына Павла.

* * *

Павел Стефанович Мавромихали (1770–1822) служил в русском флоте под началом адмирала Федора Федоровича Ушакова.

Он вложил много душевных сил в основание Одессы. Затем стал помощником и другом герцога А. Э. Ришелье, прославленного строителя этого морского порта.

Памятник Ришелье, выполненный известным скульптором Мартосом, до сих пор служит украшением Одессы.

После реставрации династии Бурбонов Ришелье вернулся во Францию и возглавил там королевское правительство.

Но даже при таком удачном расположении фортуны герцог А.Э. Ришалье продолжал мечтать о возвращении в Россию и о жизни в крымском имении Мавромихали.

Павел Стефанович Мавромихали имел одного сына и шесть дочерей.

Сын умер рано, и с его смертью закончилась мужская ветвь этого рода.

Владение имением Бурлюк в Крыму (ныне Вилино) по старшинству переходило к дочерям Павла Стефановича Мавромихали: Марии, Екатерине, Елизавете, Александре и Елене.

Старшая дочь *Мария Павловна Мавромихали* вышла замуж за генерала К. Н. Анастасьева. Славилась своей красотой, образованностью и музыкальностью.

Рассказывали, что увидев на балу Марию Павловну, император Николай I с восхищением воскликнул: «*Quelle belle race!*» (Какая прекрасная порода!)

Ее старший сын Александр Константинович Анастасьев был губернатором, тайным советником и членом Государственного Совета Российской империи.

Мария Павловна, живя в Бурлюке, открыла там музыкальный салон, вела переписку с композиторами Мусоргским, Балакиревым и др.

Композитор Александр Серов, отец знаменитого художника Валентина Серова, автора «Девочки с персиком», подолгу гостил в Бурлюке и даже дал ему поэтическое название «Приютино».

Тенистые аллеи «Приютино» часто видели Марию Павловну и Александра Серова, которых связывало глубокое и нежное чувство.

Затем имением владела старшая дочь Марии Павловны Мавромихали (Анастасьевой) *Софья Константиновна*, в замужестве *Беловодская* (1830–1906). Она увлекалась народничеством, одно время находилась под надзором полиции, дружила с Софьей Перовской. В Бурлюке построила школу, помогала эстонским переселенцам, прибывшим в Крым.

Какие разные судьбы! Мать пленяет своей красотой императора, дочь помогает народникам и находится под надзором полиции. Сама российская история отражается в этих лицах.

* * *

Внучка Марии Павловны Мавромихали (в замужестве Анастасеевой) Анастасия Николаевна Беловодская вышла замуж за морского офицера, впоследствии контр-адмирала Сергея Ильича Кази.

Сергей Ильич прославился помимо многого другого и тем, что мемориализовал поля сражений Русско-турецкой войны 1853–1856 гг., происходивших в самой непосредственной близости от имения его жены.

Речь идет о сражении на реке Альме у селения Бурлюк, где союзную англо-франко-турецкую армию в 62 тысячи человек встретила вдвое меньшая российская армия.

Командовавший войсками противника герцог Кембриджский, глядя на отвагу российских солдат, воскликнул: «Еще одно такое сражение, и Англия останется без армии».

Но союзникам англо-франко-турецкой коалиции все-таки удалось занять Бурлюк и мосты через Альму.

В память о трудной победе при реке Альме и сегодня один из мостов в Париже носит название Альминского. Есть в Париже так же Альминская площадь, станции метро и железной дороги. Под площадью проложен Альминский туннель (именно в нем трагически закончила свой жизненный путь принцесса Диана).

Таким образом, битва за земли, подаренные Екатериной II греческим повстанцам, была ожесточенной.

На подмогу воинам, рискуя жизнью, шло все мирное местное население — русское, татарское, греческое. Единым живым щитом встало оно на защиту Крымской земли.

Сестра милосердия Даша, выносившая раненых под не затихавшим огнем противника, стала известна по всей России под гордой фамилией Даша «Севастопольская».

В героической обороне участвовал и о ней написал Лев Николаевич Толстой в своих «Севастопольских рассказах».

На месте самого Альминского сражения в 1885 году воздвигли 10-метровый обелиск работы инженера-полковника К. Е. Геммельмана.

Владелец Бурлюка Сергей Ильич Кази установил на поле Альминского сражения обелиски на братских могилах российских солдат.

Затем поставили памятник Владимирскому полку. Надпись на нем гласила:

Здесь 8 сентября 1854 года Владимирский мушкетерский полк под командованием полковника Ковалева отражал атаки англичан, три раза бросаясь в штыки и опрокидывая их к реке Альме.

Полк потерял 51 офицера и 1260 нижних чинов убитыми и ранеными.

Сооружен 8 сентября 1902 года 61 пехотным Владимирским полком в командование полковника Бокшанина на средства, пожалованные императором Николаем II.

* * *

Внучка знаменитого Мавромихали — Александра Павловна — вышла замуж за Илью Андреевича Казы, представителя старинного греческого рода, отец которого вместе со Стефаном Мавромихали сражался за независимость Греции и во славу России.

Их сын — Михаил Ильич Казы был поистине «морским человеком», как будто он вышел из морской пучины, согласно семейному преданию. Море служило ему колыбелью. Его отец служил в Черноморском флоте, плавал под командованием адмирала М. П. Лазарева.

В 16 лет Михаил Ильич Казы был определен в Черноморскую гардемаринскую роту.

В 26 лет стал капитаном парохода «Великий князь Михаил», где проявил свои редкие деловые качества — энергию, трудолюбие, чуждость личному материальному интересу.

Через три года он — Управляющий Севастопольским адмиралтейством, помощник директора Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ).

Был избран севастопольским городским головою и оставил о себе добрую память.

Благодаря его инициативе, поддержанной императором Александром II, памятники героической обороны Севастополя в войну 1853–1854 гг. были сохранены для потомства как историческое достояние России.

Он открыл в Севастополе реальное училище, мореходные классы, женскую гимназию, построил в городе водопровод, больницы и т. д.

Городская Дума постановила «принести Михаилу Ильичу Кази истинную благодарность...», а также представить ходатайство о присвоении ему звания почетного гражданина Севастополя, назвать одну из улиц города его именем.

Еще более значительный след Михаил Ильич оставил в Петербурге.

С 1876 года он — директор Балтийского судостроительного и механического завода.

С его именем связано широкое внедрение в военно-морском флоте России броненосных кораблей.

За время его директорства со стапелей Балтийского завода были спущены корабли, составлявшие славу российского флота, такие как «Владимир Мономах», «Адмирал Нахимов», «Память Азова» и др.

Особую гордость представлял крейсер «Рюрик», огромных по тем временам размеров, измещением 10 тысяч тонн.

Щедро наделенный желанием делиться с людьми своими знаниями, своим умением, Михаил Ильич стал незаменимым человеком на Балтийском заводе, «Учителем» с большой буквы. Сама фамилия его — Кази — в переводе с греческого означает — «учитель».

В России, только начинавшей тогда развивать промышленность и технику кораблестроения, он был нужен, как воздух. Михаил Ильич не жалел ни своих сил, ни своего времени. Он был директором нового типа.

В России не было недостатка в «золотых рабочих руках», но часто бывал недостаток в бескорыстных начальниках. И уж тем более начальниках, заботившихся о своих подчиненных.

Михаил Ильич был как раз таким человеком, и это не могли не оценить работавшие рядом с ним.

Подкупала его совершенная бескорытность — редчайшее качество, которое достается людям великим душой, которые одним только этим своим качеством высоко возвышаются над миром узких своекорыстных приземленных интересов. Большому кораблю — большое плавание.

У него был маяк в жизни, и он целенаправленно как большой красивый корабль шел к нему. Маяком этим было для него благосостояние России.

М.И. Кази часто говорил о необходимости для расцвета общества крупной задачи, большой национальной идеи, высокого человеческого идеала — «флага, который вы поднимаете и за который они должны сражаться».

Олег свой щит прибил к воротам Царьграда...

Каков флаг, таковы будут и люди».

Со вступлением в должность Управляющего Балтийским заводом для Михаила Ильича начался новый жизненный этап. Для Балтийского завода — тоже.

Должность эта снискала ему громкую славу. Он получил редкое в России отличие — значок Императорского Технологического института «*honoris causa*». Значок этот очень ценил и шутя говорил, что не расстается с ним даже в постели.

Он вообще был очень остроумный, общительный, любил шутки, особенно розыгрыши.

Иногда он закажет столик в ресторации, придет первым, и ему становится скучно ждать. Он посидит, посидит... А через некоторое время посетители начинают оглядываться: за столиком смех, женские голоса, а сидит за ним всего один респектабельный господин с благородным профилем...

Однажды Михаил Ильич должен был ехать в Москву с какой-то очень ответственной миссией. Он пришел на железнодорожный вокзал, занял вагон. Состав не отправляется.

Прошел час, другой... Начальник станции ходит по вагонам: «Придется подождать, господа...» Михаил Ильич ждал, ждал, а потом «в разорении чувств» как вскочит и «свирепым басом» на начальника:

— Долго еще прикажете торчать в этой проклятой дыре!

— Не извольте беспокоиться, Ваше превосходительство!

И поезд тронулся...

«Для него это дыра! С этим господином нельзя шутить», — обьяснял перепуганный начальник станции находившемуся в соседнем вагоне графу Сергею Юльевичу Витте, с которым и направлялся Михаил Ильич в Москву по Высочайшему поручению Его Императорского Величества.

В результате управления Балтийским заводом Михаил Ильич сделал из завода, подлежавшего закрытию, один из передовых судостроительных заводов Европы.

Создал для завода ремесленную школу, ввел форменную одежду. Увеличил заработную плату рабочих более чем на 50 %.

Михаил Ильич относился, как бы сейчас сказали, к «высшей российской элите». Вот что писал известный тогда литератор Владимир Гиляровский:

Огромный выставочный ресторан „Эрмитаж“ с обширными террасами, уставленными сотнями богато сервированных столов, с полудня переполнялся завтракающими, обедающими и ужинающими...

Шум, музыка в разных местах и время от времени оглушительный колокольный звон: это проба колоколов фирм, развесивших на звонницах свой товар...

На террасе был особый почетный стол, куда обыкновенные посетители не допускались.

Сюда садились высшие чины администрации и некоторые приглашенные лица.

Здесь всегда завтракали В. И. Ковалевский, М. И. Кази, писатель Д. В. Григорович, П. П. Семенов-Тяньшанский, адмирал Макаров...

М. И. Кази, которого так боялись нерадивые чиновники, дружил с ученым Ковалевским (одним из основателей Санкт-Петербургского Политехнического института), путешественником Семеновым-Тяньшанским, адмиралом Макаровым.

И вот этот господин в черном фраке с белой манишкой неустанно заботился о людях, чьи судьбы были в его руках.

И это было не «напоказ», а делом его чести.

Помнить о людях — прекрасная черта Михаила Ильича.

Чтобы люди при совместной работе стремились к общей цели и создавали гармоничное целое — вот это трудно, — говорил Михаил Ильич. Достигнуть этого можно лишь постоянной неусыпной заботливостью.

«Завод, — часто повторял он, — это не здание, и не машины, которые можно выстроить вновь... Завод это в первую очередь люди».

Забываясь о рабочих, Михаил Ильич почти полностью устранил систему штрафов. Зато широко ввел систему поощрения, увеличивая сумму денег не только на премии рабочим, но и на празднование заводских праздников закладки судов и спуска их на воду.

В исключительных случаях, как это было с эпидемией холеры в 1891 году, не останавливался и перед неординарными мерами.

Он срочно вернулся из-за границы, где лечился, потому что узнал из газет об эпидемии холеры в Петербурге и был убежден, что сможет принять решительные меры против ее распространения между рабочими.

Читаем его письмо:

Я приехал в С.-Петербург в очень тревожном настроении, зная что было в Баку, Астрахани, Саратове, Воронеже.

С 31 июля я принялся за устройство столовой для тех мастеровых, которые не имея семей, кормятся с лотков на улицах или в ближайших трактирах всякою дешевою гадостью.

Организовал лечение семей рабочих на дому;
наблюдение за чистотой их жилищ в Гавани и на окраинах Васильевского острова.

Открыл лазарет специально для желудочных заболеваний...

Заканчивал это письмо к своим друзьям Михаил Ильич знаменательной фразой: И не было ни одного смертного случая.

Человек может все победить, если приложит свое старание и будет честно служить своему делу.

Социальный вектор его деятельности незамедлительно сказался на жизни рабочих.

Рабочие с благодарностью писали Михаилу Ильичу в день его ангела:

Ваша разумная деятельность значительно отозвалась на улучшении нашей жизни...

Наши дети не остались без образования, т. к. Вы изыскали средства на устройство школы, в которой могут учиться не только те, родители коих имеют материальные средства, но и нуждающиеся.

Вы даете пособия, назначаете стипендии.

Все, случайно изувеченные по неосторожности, не остаются без куска хлеба и не просят милостыни.

Вы определяете их в больницы, богадельни, помогаете уехать на родину, даете пособия и пенсии.

Всем погибшим на производстве обеспечено достойное погребение, а семьям пособие...

Сохранение добрых отношений между администрацией завода и его рабочими составляло основу деятельности Михаила Ильича.

Поздравительное обращение рабочих к нему заканчивалось словами:

...Сердца наши переполнены умилением и радостным чувством признательности и благодарности.

Молитвы наши, наших жен и детей всегда будут возноситься к Престолу Всевышнего за Вас и Вашу семью.

Дай Бог еще во здравии и благополучии для общей пользы и процветания механического судостроительного дела прожить Вам много, много лет.

Да здравствует Михаил Ильич на многие лета! Ура! Ура! Ура!
От мастеровых и учеников Балтийского завода.
8 ноября 1882 года.

Однако время от времени конкуренты Михаила Ильича и чиновники высшего ранга пеняли ему, что своими заботами о рабочих он приучает их к этому и ставит тем самым в привилегированное положение по сравнению с рабочими других заводов.

На что он возражал им твердо и убежденно: «На Балтийском заводе не только не было бунтов в мое правление, но даже неудовольствий, и поэтому, думаю, порядки Балтийского завода могут служить примером».

В ответ ему замечали, что заботы о рабочих требуют денег, и он должен испрашивать согласия управляющего Морским министерством.

Михаил Ильич парировал:

— Я для того и управляющий Балтийским заводом, чтобы принимать все меры, вызываемые обстоятельствами дела.

Если же на все, что я предполагаю делать, буду предварительно испрашивать одобрения министра, то не я, а он будет управляющим заводом.

— Да, но ведь Вы расходуете, — не унимались злопыхатели, — деньги Морского министерства, а не свои?

— Конечно, не свои, но и не министерства.

Министерство дает Балтийскому заводу деньги только на постройку корпусов и машин и притом по ценам ниже тех, которые платит «Русское Общество Пароходства» франко-русскому заводу.

Балтийский завод за эти деньги не только строит скоро и хорошо и суда и машины, но и перестраивает и расширяет завод.

Кроме того, завод может еще проявить заботу о рабочих и их семьях.

И поэтому, — доказывал Михаил Ильич, — «я считаю себя в праве думать, что я не только ничего не беру из кармана Морского министерства, но, напротив, кладу ему в карман».

За годы, в течение которых Кази управлял Балтийским заводом, завод выпускал 85 % всего оборудования нашего российского флота, и только 15 % выпускали остальные заводы.

После спуска на воду крейсера «Рюрик» в октябре 1892 года и благодарения по этому поводу царя, Михаил Ильич обратился ко всем служащим и рабочим завода:

В судне десятки тысяч заклепок и швов, и одного дюйма дурно прочеканенного шва может быть достаточно, чтобы судно дало течь.

Сложные механизмы судов состоят из тысяч отдельных частей, и поломки одной части могут быть причиной бездействия всего механизма с самыми губительными последствиями для судна и его экипажа.

А мы с вами строим только военные суда, которым Государь вверил честь и славу России.

За истекшие 16 лет нашей совместной дружбы не произошло ни одного такого случая.

Это заслуга всех руководителей и всех исполнителей, — благодарил Михаил Ильич Кази весь коллектив.

Но иногда Михаил Ильич любил вдруг сказать: «Я очень мало бываю на заводе... Я считаю, что исполняю свое дело тем лучше, чем меньше я нужен, потому что это значит, что дело идет хорошо и без меня, потому что хорошо налажено».

Какая оправданная удивительно твердая и безошибочная уверенность в заводе, им руководимом!

Михаилу Ильичу удалось поднять престиж российского судостроения, доказав (вопреки распространенному в то время рутинному мнению), что в России судостроительные заводы могут работать не хуже иностранных.

Он доказал, что российские рабочие могут строить из местного российского, а не привозного материала и не только корпуса судов,

но оснащать их сложными машинами, при этом принося еще достаточную прибыль.

Михаил Ильич был талантливым организатором, педагогом и менеджером одновременно.

Известный кораблестроитель А. Н. Крылов рассказывал о необычных подходах Михаила Ильича:

Всякому писцу, доставшему копию официальной бумаги, в которой встречались слова „Балтийский завод“, уплачивалось независимо от содержания бумаги пять рублей. — „За год приносят около тысячи копий, из них 995 и гроша медного не стоят, а вот за эту я бы и 10000 рублей не пожалел“, — говорил Михаил Ильич.

Главным врагом своего дела Михаил Ильич считал бюрократизм в аппарате Морского ведомства.

Неприемлемо для интересов России такое положение дел, — возмущался Михаил Ильич, — когда директора завода, спрашивают, за какое время завод может исполнить ту или иную работу, а он вместо ответа должен списываться с Правлением.

А последнее должно доложить Главному Управлению кораблестроения и Снабжения, а то, в свою очередь, должно доложить Управляющему Морским Министерством, если тот не в отлучке, не болен или его докладной день по каким-нибудь причинам не отложен.

В результате на все эти сношения и доклады уйдет то время, в течение которого могло быть сделано дело.

Все эти бюрократические „Правления“ и „Управления“ не о том думают, как сделать дело, а как его не сделать, чтоб не надо было за него отвечать.

Михаил Ильич обладал сильной, можно сказать, бурной энергетикой, способной противостоять, бороться и защищать. Дух Мавромихали клокотал в нем.

Чиновничья рутина! Вот с чем боролся Михаил Ильич. Справедливо полагал, что только хорошая работа, и только она может победить бюрократизм, разьедающий как ржавчина все усилия каждого «работающего организма».

Кристалльная честность Михаила Ильича вошла в поговорку. И ему было сделано почетное предложение перейти служить в Императорскую казну.

Михаилу Ильичу нелегко было расставаться с заводом — своим детищем, которое он принял в самые худшие его времена, выходил и поставил на ноги, в котором он знал каждого рабочего.

По уходу с Балтийского завода Михаил Ильич принимал участие в разработке всех ведущих вопросов, «возбуждавшихся» Министерством финансов.

Он являлся так же деятельным членом Совета торговли и мануфактур Министерства финансов; Председателем комиссии по развитию судоходства и торговли и т. д.

Был удостоен орденов Св. Владимира III-й и IV-й степеней, Св. Станислава II-й степени, Св. Анны II-й степени с Императорской короной.

Был награжден также орденом Почетного Легиона.

Отец мой рассказывал, что в годы его детства у них дома сохранялся так называемый «шпиль» — круглый стол, напоминавший большую катушку, у которого и ножка и столешница вращались. На таких «шпилях» на кораблях наматывали трос, поднимая якорь.

Домашний «шпиль» замечателен тем, что был собран из разных пород дерева, а на его круглой столешнице — карта всего земного шара.

Каждая страна на столешнице была набрана из тех пород деревьев, которые там растут. Индия, например, была набрана из красного дерева, Америка — из американского ореха, Россия — из карельской березы и т. д.

В «шпиле» были «ящички где лежали дедушкины (Михаила Ильича) ордена и медали, а среди них — орден Почетного Легиона, французский орден, точно такой, какой был у Наполеона».

Нельзя не вспомнить еще об одной стороне многогранной личности Михаила Ильича: о поддержке им художественных талантов.

Он покровительствовал молодым, занимался меценатством. Познакомился с начинавшим художником Александром Борисовым, который родился в деревушке Вологодской губернии и очень полюбил Север.

Заметив в молодом человеке страсть к живописи, Михаил Ильич всячески ему покровительствовал. Помог побывать за Полярным кругом.

Гостеприимно приютил у себя дома в Петербурге на 4-й линии Васильевского острова. Борисов же очень хотел запечатлеть Михаила Ильича и начал писать его портреты, один живописный и два графических.

Вполне вероятно, что портрет, висевший над письменным столом моего отца, принадлежал кисти Александра Борисова.

Главным жизненным приоритетом Михаила Ильича Кази всегда оставалось освоение Русского Севера. Он почитал это за дело государственной важности, отвечавшее национальным интересам России.

В июне 1894 года состоялся визит С. Ю. Витте на Мурман для отыскания там подходящей военно-морской гавани. Сопровождал его Михаил Ильич Кази.

К ним присоединился Савва Иванович Мамонтов, известный промышленник и меценат.

«Резоны» о месте строительства Северо-Западной морской базы вызывали тогда особенно острую дискуссию.

Некоторые государственные деятели высказывались за Либаву, но Михаил Ильич Кази именно Мурману предсказывал ведущую роль океанского порта. Он предпринял ряд конкретных практических шагов в решении этой задачи.

Как учредитель Архангельско-Мурманского пароходства он сумел добиться увеличения численности судов и увеличения объема перевозок.

Организовал постоянные рейсы парохода «Ломоносов» из Балтийского моря на Мурман.

Однако вопреки мнению Михаила Ильича, император Николай II под давлением своей матери и генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича подписал указ о создании морской базы не в Мурмане, а в Либаве.

Последующие события Первой мировой войны продемонстрировали ошибочность этого выбора и правоту позиции Михаила Ильича Кази.

Чрезвычайно трудные времена переживало в тот период Императорское русское техническое общество (ИРТО). Оно несколько

лет оставалось без председателя и могло вообще прекратить свое существование.

Михаил Ильич Кази, как солдат, который всегда найдет свое место в строю, согласился в 1894 году занять пост Председателя Совета ИРТО.

Необычайно интересно и в какой-то степени даже поучительно, что первым вопросом, поставленным Михаилом Ильичом на Совете ИРТО, был вопрос о народном просвещении.

Решение этого вопроса, по его мнению, не терпело отлагательств и было неразрывно связано со всей системой развития и процветания государства.

Без просвещения не может быть высоких специалистов, не может быть культуры управления, широкого взгляда на весь комплекс задач.

В этом вопросе Михаил Ильич также проявил государственный подход:

В столице начальные городские училища, содержимые за счет городского общественного управления, выпускают ежегодно 3000 детей около 12-летнего возраста, — докладывал он на заседании ИРТО. — Моложе 15 лет по закону не допускаются ни к каким профессиональным работам.

А между тем около 90% выпускаемых школами могли бы продолжать учение в промышленных училищах. И это является неотложной задачей ИРТО.

Через год после этого выступления Михаила Ильича последовало высочайшее назначение его на пост генерального комиссара на Всероссийскую промышленно-художественную выставку, которая должна была открыться в Нижнем Новгороде. Должность была необычайно ответственной и трудоемкой.

Теперь ему стали предлагать высшие степени самых почетных наград, а он отказывался от них. Да так упорно отказывался, что великий князь Константин Константинович даже с недоумением воскликнул: «Да что же наконец ему нужно? Чего он желает?»

И как будто прямо на поставленный великим князем вопрос отвечает автор книги «Греки-адмиралы и генералы военно-морского флота России»:

Занимая генеральские должности, М. И. Кази, тем не менее упорно отказывался от предлагавшихся ему гражданских чинов, в частности чина действительного статского советника, предпочитая считаться военным моряком.

Смерть настигла Михаила Ильича внезапно на самом его подъеме, в самом расцвете его служения Отечеству, почти сразу же после торжественного открытия Всероссийской промышленно-художественной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 году.

Можно сказать, что вся просвещенная Россия оплакивала его безвременную кончину: «Кази признан не просто выдающимся деятелем, но знаменем, которое гарантировало всегда успех дела, за которое он берется».

Михаил Ильич Кази остался в памяти потомков как человек масштабный, деятельный, преданный России. Одна из статей, посвященных ему, заканчивалась словами:

Нужно было иметь безупречную репутацию, без малейшего пятнышка на ней, для того, чтобы со смелостью, граничащей с дерзостью, бросать перчатку торжествующему врагу, который не преминул бы втоптать его в грязь, если бы к этому представлялась хотя малейшая возможность.

Пока будут люди, любящие отчизну и готовые отдать всего себя на служение ей, до тех пор будут живы и принципы, за которые боролся Михаил Ильич, а потому закончим наш очерк христианской формулой: „Вечная ему память“.

После смерти Михаила Ильича была утверждена медаль и премия его имени. На лицевой стороне медали помещен его портрет, на оборотной — надпись по краю: «За труды в области техники». Образец памятной медали хранится в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа.

Был создан специальный денежный фонд М. И. Кази. Премия выдавалась с целью поощрения изобретательства и технического образования.

Премия и медаль присуждались в день рождения М. И. Кази. Вручал их председатель Императорского русского технического общества, на посту которого умер Михаил Ильич.

Не часто бывает так, что человек умер, и все ощущают образовавшуюся пустоту. С Михаилом Ильичом Кази было так.

Его не хватало, не хватало людям... Казалось, его не хватало и самой жизни...

Михаил Ильич Кази — не только выдающийся государственный деятель, но и заботливый семьянин.

В молодости он полюбил женщину, которая уже была замужем. Из классического «треугольника», драматизм которого так гениально описал Толстой в «Анне Карениной», Михаил Ильич вышел как человек цельных и сильных чувств. Он не отступился от своей любви. Создал семью, в которой всегда царили понимание и уважение.

Детям, их образованию и воспитанию уделял много времени и души. Особенно любил дочку Анну. Вникал во все ее детские шалости.

«Все эти супики и кашки (намек на няnek и мамок, придававшим чрезмерное значение мелочной опеке над жизнью ребенка) не должны препятствовать становлению благородной души», — повторял он.

Даже поощрял проказы своей маленькой дочки, если видел в них проявления незаурядности характера и возвышенности души. Анна Михайловна Кази, в замужестве Пац-Помарнацкая — моя бабушка по отцу — с гордостью об этом вспоминала.

Так что во мне пересеклись два древних дворянских рода: Прокудины-Горские и Мавромихали.

Вполне возможно, что представители этих фамилий встречались в свое время, ведь Михаил Ильич Кази был председателем Императорского русского технического общества, а Сергей Михайлович Прокудин-Горский — руководителем его фотографического отдела. Оба они были лично знакомы с императорской семьей, бывали в Гатчинском дворце. Если и встречались, то не подозревали, что породнятся и что более 100 лет спустя их внучка и правнучка будет писать о них записки.

Эти встречи-воспоминания с далекими родными, с историко-культурным прошлым Петербурга учат любви к нему и его замечательным человеческим, высоко гуманным традициям.

Пересечение таких древних и таких разных фамилий и судеб не может не воспитывать в духе толерантности, уважения к разным национальностям, народам и культурам.

Похоронен Михаил Ильич Кази на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Здесь, на Никольском кладбище были погребены такие известные российские деятели как артистка В. Комиссаржевская, художник Б. Кустодиев, академик С. Карпинский и другие.

В годы Великой Отечественной войны могила Михаила Ильича Кази была разрушена.

Сегодня от могилы этого человека, чье имя дважды нанесено на карту Северного Ледовитого океана, чьим именем были названы улица, школа и пароход — сохранились лишь ступени, ведущие к часовне.

Было бы справедливо отдать должное памяти этого выдающегося деятеля и восстановить его разрушенную, брошенную могилу...